

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

О.В. Богданова

**«ИСКАТЬ ИЗБИТЫХ
ПРАВОТУ»
(МЕСТО
А. СОЛЖЕНИЦЫНА
И В. ШАЛАМОВА
В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА)**

Рассматривается лагерная проза А. Солженицына и В. Шаламова, сопоставляются «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы», определяется место и роль писателей в русской литературе второй половины XX века. В ходе анализа показывается, что разное влияние Солженицына и Шаламова на развитие современного литературного процесса обусловлено тем типом героя, который каждый из прозаиков поставил в центр своего повествования: герой из «середины» и «массы» в одном случае противопоставляется герою «на грани» в другом случае.

Ключевые слова: *русская литература второй половины XX века, проза, тема лагеря, А. Солженицын, В. Шаламов.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-12-20

Богданова Ольга Владимировна – докт. филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: 8-921-962-39-23

Email: olgabogdanova03@mail.ru

© Богданова О.В., 2018.

В русской литературе 1960-х – 1980-х гг. к теме лагеря обращались (не)многие писатели, однако главное слово в разработке этой темы сказали А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов. Именно эти художники наметили и воплотили магистральные направления в раскрытии темы лагеря – и сделали это каждый по-своему, не только самобытно и особенно, но и противоречиво один другому, сталкиваясь и расходясь в центральной интенции и ментальной художественной позиции.

Осмыслению «лагерной» темы в русской литературе этого периода посвящено немало критических и литературоведческих работ, среди них монографии и статьи Ю. Андреева [Андреев, с. 109–117], А. Бочарова [Бочаров, с. 186–194], Т. Вознесенской [Вознесенская, с. 20–24], Е. Волковой [Волкова, с. 7–174], В. Есипова [Есипов, с. 41–50], Н. Ивановой [Иванова, с. 27, 147–149, и др.], Н. Молчановой [Молчанова, с. 107–110], И. Некрасова [Некрасов, с. 4–12], И. Сиротинской [Сиротинская, с. 101–112], Л. Тимофеева [Тимофеев, с. 182–195], Е. Шкловского [Шкловский, с. 254–263] и др. Однако проблема «Солженицын vs Шаламов» продолжает волновать современных исследователей как в России, так и за ее пределами.

По прошествии времени – с момента появления «лагерных» произведений писателей и «возвращения» их читателю, с установлением некоторой темпоральной перспективы – в отечественной литературе отчетливее становятся видны не только тенденции развития лагерной прозы, но и яснее

прорисовываются место и «статус» писателей, обратившихся к этой проблемно-тематической линии.

Несмотря на то что Шаламов несколько старше Солженицына и его лагерный опыт более длительный и суровый, тем не менее открытие лагерной темы в русской литературе связано с именем А. И. Солженицына, с его рассказом «Один день Ивана Денисовича» (1959).

В «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицын избирает главным героем повествования человека обыденно простого, намеренно «усредненного», внешне неприметного – крестьянина из российской глубинки. Подобно М. Шолохову, Солженицын сознательно обращается к истории «идеального негероя», чья судьба – судьба человека, судьба одного из многих, судьба «простого Ивана» («Архипелаг ГУЛаг»). Образ Ивана Денисовича, человека безропотного, бессловесного, безобидного, позволял Солженицыну показать колоссальные масштабы того процесса, который поражал все слои существовавшего государственного строя и уничтожал опору национального мироустройства – русского крестьянина.

Установка на универсальность (типичность и характерность) судьбы крестьянина Шухова достигается Солженицыным уже в названии – «один день», т.е. один из многих и подобных. Замена слова «зек», политизирующего и по-своему ограничивающего хронотоп повествования в первоначальном названии «Щ-854» с подзаголовком «Один день одного зека», в окончательном варианте замененного именем героя – Иван Денисович, доводила типизацию до еще более высокого предела узнаваемости и обобщения. В фокусе авторского внимания оказывалось не сугубо единичное, рельефно-масштабное или индивидуальное, а типическое (и однотипное), повторяющееся, общее.

В потоке событий одного дня одного зека Солженицын избирает эпизоды не особого характера и свойства, как, например, банный день у Шаламова, а самые рядовые, а точнее – регулярные: подъем, прием пищи, выход на работу, возвращение в лагерь и отбой. Событие же неординарного характера – пронос Иваном Денисовичем в лагерь куска металлической пилы, хотя и упомянуто автором, но осуществляется почти случайно («по забывчивости») и теряется в череде других, самых привычных для лагерной жизни обстоятельств, утрачивая таким образом характер личности и вставая в ряд событий хотя и значительных, но случайных и нетипичных.

Подобно тому, как избранный «один зек» у Солженицына – средний, простой, ничем особым не выделяющийся, так и «один день», который описывает художник, – не просто один из многих, а самый рядовой, от других мало чем отличающийся, не самый плохой и не самый хороший.

Некая «середина» ощущается во всем: барак, в котором спит Иван Денисович, – не блатной, не уголовный; место, которое он занимает, – не у самой печки, но и не «у параша», из трех ярусов барачной «вагонки» он спит на средней; работа, на которую отправляют его бригаду, – не натягивание колочей проволоки на голом пространстве снежной пусты-

ни под пронизывающим леденящим ветром и не долбление железным обледенелым ломом вечной мерзлоты, что достается другим заключенным, но и не «тепленькая» чистая работа писаря Цезаря, а кладка кирпича на ранее недостроенном здании ТЭЦ, в котором не так холодно, как на открытом месте, но и не так тепло, как в помещении.

И погода в избранный Солженицыным день средне-зимняя: мороз не сорок градусов, когда заключенных могут оставить в бараке и не погнать на работу, а всего «двадцать семь с половиной» [Солженицын, 1991, 10], «как всегда»; и солнце не играет на небе, но и не скрыто совсем – оно «как бы во мгле» [Там же, с. 30], «без лучей, как в тумане» [Там же, с. 36]. И 104-я бригада, в которой оказывается герой, – не самая плохая и состоящая не на самом плохом счету (во всей бригаде из лагерников-шакалов только один Фетюков). Даже лагерная похлебка-баланда у Шухова в изображаемый день «серединная»: «Попало так, средне. Не с начала бака наливали, но и не доболтки» [Там же, с. 13].

Для усиления степени типизации образа главного героя Солженицын создает ряд персонажей, сопутствующих Ивану Денисовичу. Одни из них сопоставимы с образом главного героя по принципу подобия (бригадир Тюрин, Сенька, Гопчик, заключенный Ю-81.), другие – по принципу несхожести (кинорежиссер Цезарь, кавторанг Буйновский). Если в первом случае выделяется родство героев (подобно Ивану Денисовичу бригадир Тюрин и заключенный Ю-81 еще хранят в себе традиции народно-крестьянского нравственного уклада: например, не могут «себя допустить есть в шапке»), то во втором случае даже имена, зековская профессия и поведение в лагере подчеркивают исключительность персонажей. И в этом плане Шухов опять оказывается «по середине» – между «осоветизированным» Буйновским, спящим на нижних нарах, и Алешкой-баптистом, глубоко верующим человеком, занимающим верхнюю полку.

Иван Денисович воспринимает окружающую его жизнь почти неосознанно, подсознательно, на уровне интуиции, сравнивая происходящее по своей мощи и причинно-следственной мотивации с процессом стихийным, почти природным, в известной мере неуправляемым. Однако «выжить», по Солженицыну, – не превратиться в «шакала», подобного Фетюкову, не опуститься до низости и доноительства, угодничества и предательства, а «не уронить себя»: «миски не лизать», «на санчасть не надеяться», «к куму стучать» не ходить [Там же, с. 5], т.е. сохранить нравственные представления и понятия всей предшествующей жизни – самого Шухова и не одного поколения его предков, простых русских людей. «Выжить» у Солженицына звучит как «надо жить» («...переживем! Переживем все...»; [Там же, с. 94]), не неся в себе некоего сознательного начала, но являясь отражением природного и народного «инстинкта самосохранения» [Акимов, с. 271]. За внешней пассивностью, покорностью и непритязательностью героя Солженицына скрывается не нравственная слабость личности, а устойчивая сила целого мира традиционных крестьянских представлений, тех неписаных законов, ко-

торые обеспечивали жизнеспособность нации в условиях многих «радостей и горестей», непростой и неоднозначной русской/советской жизни.

Данный подход удвоил силу воздействия рассказа Солженицына, ибо, с одной стороны, он открывал новую тему в советской литературе, с другой – возрождал традиционный литературный характер, посредством которого давал жизнь новому течению – деревенской прозе, которая стала объективно лидирующим направлением в течение почти трех десятилетий в русской литературе второй половины XX в., открывая пути к развитию новой русской литературы постперестроечного периода. В отличие от Ивана Денисовича герои Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, С. Залыгина, Б. Можая, Е. Носова, В. Распутина, В. Шукшина избежали заключения, но они жили в той же социальной системе, были «винтиками» той же государственной структуры, ощущали на себе ту же тяжесть нарушения естественных общественных отношений, что и герой «Одного дня...», тем более что (как показал Солженицын в «Матренином дворе») положение в русской деревне послевоенного времени мало чем отличалось от положения в лагере. В прозе писателей-деревенщиков «поверхностная» острота лагерной темы оказалась снятой, «незаконная» тема сменилась темой, обретающей права законности, но существо проблемы осталось прежним – противостояние личности и государства, беспечность судьбой России и ее народа.

В современной критике устоялось мнение, что «Колымскими рассказами» Варлам Шаламов вступает в спор с Солженицыным, внося новое (или иное) видение лагеря. Действительно, в «Колымских рассказах» Шаламов не столько опирается, сколько, кажется, сознательно отталкивается от повествования Солженицына. Если в рассказе Солженицына труд – это радость и духовное освобождение («вкатывать на совесть – одно спасение», «от болезни работа – первое лекарство» [Солженицын, с. 16]), – те редкие минуты, когда заключенный ощущает себя и предстает на страницах рассказа независимым и свободным, то у Шаламова работа – это каторга и подневольщина, «в лагере убивает работа» [Шаламов, 1989, с. 71], «лагерь бы местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще» [Там же, с. 70]. Отказ от работы – «преступление, которое карается смертью» [Там же, с. 51]. И если на какой-то миг герою Шаламова работа может показаться «мелодией», «музыкой», «симфонией» («Артист лопаты»), то уже в следующий момент она превращается в какофонию, в скрежет и рваный ритм, и еще недавнее ощущение радости труда оборачивается разочарованием, обманом, ложью [Там же, с. 48 – 49]. Если в произведении Солженицына Иван Денисович живет и работает в бригаде слаженной, где бригадир, «как отец», «не предаст» [Солженицын, с. 65] и поддержит, то у Шаламова бригада – только видимость, внешне сбитое, неорганичное и порочно-опасное единство («Артист лопаты»). Если у Солженицына рабочий день длится 11 часов, а задержка на работе даже в четверть часа – событие едва ли не чрезвычайное, то у Шаламова заключенные возвращаются в лагерь «после двадцати трёх

часов работы» [Шаламов, с. 22], и впереди их еще ожидает уборка барака и поход за дровами.

У Шаламова в рамках лагерного социума все элементарно-привычные представления о жизни поруганы. Если у героя Солженицына был дом, семья, (редкие) письма, в прошлом – даже посылки к Пасхе, то герой Шаламова не ждет вестей из дома, не хочет «быть обязанным в чем-то никому, даже собственной жене» [Там же, с. 73]. А на вопрос, «хочет ли он домой», без тени иронии отвечает: «Лучше в тюрьму» [Там же, с. 17].

В лагере Шаламова заключенный полностью разобщен с окружающими, обособлен, самоизолирован. Здесь каждый сам по себе и сам за себя. Если у Солженицына Иван Денисович, поступая тем или иным образом, осознает, что заслуживает одобрение или порицание собригадников, добивается расположения или уважения окружающих (прежде всего на работе: «Кто работу крепко тянет, тот над соседями тоже вроде бригадира становится» [Солженицын, с. 63]), то у Шаламова этого нет, да и не нужно: «любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания» [Шаламов, с. 31]. По Шаламову, человеческие чувства и чувства вообще раньше или позже, но обязательно атрофируются в заключенных.

Если герой Солженицына и в лагере придерживается законов традиционной народной (и прежде всего трудовой) жизни («...так устроен Шухов по-дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, что не зря гинули» [Солженицын, с. 70]), то в лагере Шаламова законы человеческого существования разрушены и подавлены, в силу вступают и бесконтрольно правят законы лагеря и зоны, жестокие настолько, что деформируются не только чувства, но и разум, порождая «Великое Безразличие» [Шаламов, с. 22, 28, 42, 67 и др.]. «Нас ничто уже не волновало, нам жить было легко во власти чужой воли» [Там же, с. 38].

Наконец, если главное ощущение Ивана Денисовича после прожитого дня – «ничего, еще поживем», в котором форма множественного («коллективного») числа значит не меньше, чем семантика всей фразы, то, по Шаламову, «девяносто девять процентов людей... пробы <лагерем. – О. Б.> не выдерживали», а «те, кто выдерживал – умирал вместе с теми, кто не выдерживал» [Шаламов, с. 66]. Если герой Солженицына размышляет: «Переживем все, даст Бог кончиться!» – [Солженицын, с. 94]), то, по Шаламову, выжить в лагере можно только «случайно» [Шаламов, с. 66].

Примеры показывают, что Шаламов если и не намеренно и не сознательно, то в любом случае – откровенно и определенно спорит с Солженицыным, не соглашается, стремится доказать нечто иное. А такие шаламовские фразы, как «...и по русскому обычаю, по свойству русского характера, каждый, получивший пять лет, – радуется, что не десять» [Шаламов, с. 24] или «...всякий, кто хвалит лагерный труд – под-

лец или дурак» [Там же, с. 71], указывают на нескрываемую полемику с автором «Одного дня...».

Спор между Шаламовым и Солженицыным, главным образом, актуализируется в том, кого художники избирают главным героем повествования, т.е. считают наиболее представительным носителем истины. И если объектом типизации Солженицын избирает человека «из народной гущи» – потомственного российского крестьянина из деревни Темгенёво, то Шаламов – представителя интеллигенции, человека образованного, с университетским образованием, эрудированного, тонко чувствующего, пишущего стихи. Выведенные в рассказах Шаламова под разными именами герои Голубев, Андреев, Крист представляют собой один человеческий, поведенческий и мировоззренческий тип, обусловленный происхождением, общностью к научному и эстетическому знанию, рационально-осмысленным (в противовес шуховскому – природно-естественному) восприятием жизни. В эссе «О прозе» Шаламов назвал их «людьми высокой умственной культуры».

Выбор Шаламовым иного типа героя, перенесение центра тяжести с образа природного крестьянина на образ мыслящего интеллигента позволили писателю взглянуть на изображаемые события под другим углом зрения, многое увидеть острее, прочувствовать больше, воссоздать пронзительнее, посредством иного уровня восприятия представить события в обобщенно-символическом ключе, с определенной долей аналитичности и философского обобщения. При этом если герою Солженицына ближе сдержанная, эпически-спокойная манера мышления, без броской метафорики, с ориентацией на народно-поэтическое творчество, то герой Шаламова в большей мере тяготеет к условно-эстетическому, обобщенно-символическому и абстрактно-рационалистическому восприятию мира. Замена героя оказалась принципиально важной для Шаламова: более просвещенный, его герой позволял художнику аналитичнее подойти к изображаемым событиям, образованный и думающий, он способствовал осознанию отдельных событий и фактов в единой логической цепи взаимосвязанных исторических событий, по-своему более тонкий, чем крестьянин Шухов, он больше и трагичнее передавал сам дух лагеря, заключения, ограничения человеческой свободы. В самом упрощенном виде можно констатировать, что герой Солженицына – хозяйственный и практичный крестьянин-реалист, тогда как герой Шаламова – возвышенный и тонкий интеллигент-идеалист. Типизация у Шаламова обрела иное направление, чем у Солженицына. Обобщения художника подчас облекались в форму некой рационалистической абстракции. Автор обозначал лишь общекатегориальные признаки, отказываясь от какой-либо индивидуализации, создавал не характеры или образы, а некие знаки, выступающие заместителями художественной конкретики. Если Солженицын избрал для своего повествования общий план, где

важна сама ежедневная и ежечасная – обобщенная и привычно-узнаваемая – картина в совокупности фигур и событий, то Шаламов обратился к крупному плану, где игра светотени, контраст и антитеза, преобладание символической детали, интерес к единичному и исключительному если и не заслоняли всей картины, то определенно требовали к себе особого внимания. Избранный Шаламовым герой выглядит благодаря этому крупнее, рельефно-ощутимее, приближеннее и трагичнее. Но и необычнее, индивидуализированнее.

Если проза Солженицына ориентирована главным образом на «обычность» (лагеря, героя, условий и обстоятельств), то Шаламов избрал для себя художественную установку «на пределе», «за гранью» – изображение «ада», аномалии, запредельности человеческого существования. В результате подобного подхода герой Шаламова в обстоятельствах неординарных, исключительных, нередко героических воспринимается как личность неординарная, исключительная, нередко героическая. Герой Шаламова оказывается одиночкой, героем трагически единичным, выделенным из толпы и массы, тогда как герой Солженицына – герой, слиянный с массой, спаянный с народом, с большинством.

Именно последним обстоятельством объясняется тот факт, что при всей насыщенности шаламовской прозы, будь то насыщенность фактическая, идейная или образно-эмоциональная, она не оказала на литературу 1960–70-х гг. воздействия, подобного солженицынскому. Ее влияние на последующее развитие литературы было ослаблено не только в результате цензурных преград, не давших возможности своевременной публикации «Колымских рассказов», но прежде всего тем, что Шаламов избрал центральным звеном своего повествования исключительного героя, разделившего общую народную судьбу, прошедшего все круги лагерного ада, но в известной мере смотрящего на случившееся и происходящее со стороны своего «рацио», с точки зрения человека, стоящего над многими, вне многих, героя с элементами идеалистически-романтического мышления.

Литература

Акимов В. М. «...Но люди и здесь живут!» («Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына) // *Акимов В. М. На ветрах времени: размышления о книгах.* Л.: Детская литература, 1991. С. 263 – 281.

Андреев Ю. Размышления о повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в контексте литературы начала 60-х годов // *Радуга.* Киев, 1991. № 6. С. 109–117.

Бочаров А. Г. Две оттепели: вера и смятение // *Октябрь.* 1991. № 6. С. 186–194.

Вознесенская Т. Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл // *Литературное обозрение.* 1999. № 1. С. 20–24.

Волкова Е. В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. 176 с.

Есипов В. Норма литературы и норма бытия: Заметки о писательской судьбе Варлама Шаламова // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 41–50.

Иванова Н. Б. Воскрешение нужных вещей. М.: Московский рабочий, 1990. 217 с.

Молчанова Н. Потенциал жанра: к вопросу о жанрово-стилистических особенностях рассказов В. Шаламова // Вестн. Моск. ун-та. История, языковедение, литературоведение. 1990. № 4. С. 107–110.

Некрасов И. В. Варлам Шаламов прозаик: Поэтика и проблематика: автореф. дис.... канд. филол. наук. Самара, 1995. 15 с.

Сиротинская И. О Варламе Шаламове // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 101–112.

Солженицын А. И. Малое собр. соч. М.: Инком НВ, 1991. Т. 3: Рассказы. 288 с.

Тимофеев Л. Поэтика «лагерной прозы» // Октябрь. 1991. № 3. С. 182–195.

Шаламов В. Т. Левый берег. М.: Современник, 1989. 559 с.

Шкловский Е. Правда Варлама Шаламова // Дружба народов. 1991. № 9. С. 254–263.

References

Akimov V. M. «...No lyudi i zdes' zhivut!» («Odin den' Ivana Denisovicha» A. Solzhenitsyna). *Akimov V. M. Na vetrakh vremeni: razmyshleniya o knigakh.* L., Detskaya literatura, 1991, pp. 263-281. (In Russian).

Andreev Yu. Razmyshleniya o povesti A. Solzhenitsyna «Odin den' Ivana Denisovicha» v kontekste literatury nachala 60-kh godov. *Raduga. Kiev*, 1991, no. 6, pp. 109-117. (In Russian).

Bocharov A. G. Dve ottepeli: vera i smyatenie. *Oktyabr'*, 1991, no. 6, pp. 186-194. (In Russian).

Voznesenskaya T. Lagernyy mir Aleksandra Solzhenitsyna: tyema, zhanr, smysl. *Literaturnoye obozreniye*, 1999, no. 1, pp. 20-24. (In Russian).

Volkova E. V. *Tragicheskiy paradoks Varlama Shalamova.* M.: Respublika, 1998. 176 p. (In Russian).

Esipov V. Norma literatury i norma bytiya: Zаметки o pisatel'skoy sud'be Varlama Shalamova. *Svobodnaya mysl'*, 1994, no. 4, pp. 41-50. (In Russian).

Ivanova N. B. *Voskresheniye nuzhnykh veshchey.* M.: Moskovskiy rabochiy, 1990. 217 p. (In Russian).

Molchanova N. Potentsial zhanra: k voprosu o zhanrovo-stilisticheskikh osobennostyakh rasskazov V. Shalamova. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. Istoriya, yazykoznaniye, literaturovedeniye*, 1990, no. 4, pp. 107-110. (In Russian).

Nekrasov I. V. *Varlam Shalamov prozaik: Poehtika i problematika: avtoref. dis.... kand. filol. nauk.* Samara, 1995. 15 p. (In Russian).

Sirovinskaya I. O Varlame Shalamove. *Literaturnoye obozreniye*, 1990 no. 10, pp. 101-112. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Maloye sobr. soch.* M.: Inkomb NV, 1991. T. 3: *Rasskazy.* 288 p. (In Russian).

Timofeev L. Poehtika «lagernoy prozy». *Oktyabr'*, 1991, no. 3, pp. 182-195. (In Russian).

Shalamov V. T. *Levyi bereg.* M.: Sovremennik, 1989. 559 p. (In Russian).

Shklovskiy E. Pravda Varlama Shalamova. *Druzhba narodov*, 1991, no. 9, pp. 254-263. (In Russian).

Olga V. Bogdanova (St. Petersburg, Russian Federation)

«To Look For Truth For Beaten» (A. Solzhenitsyn and V. Shalamov in Russian Literature of the XX Century)

The article discusses the GULAG prose of A. Solzhenitsyn and V. Shalamov, compares «One day of Ivan Denisovich» and «The Kolyma tales», determines the place and role of the writers in Russian literature of the second half of the XXth century. The analysis shows that different influence of Solzhenitsyn and Shalamov on the development in Russian prose of the XXth century relates to the type of main character that writers put into the center of their work. The hero of the “middle” and “mass” in one case opposed to the hero “on the verge” in another case.

Key words: *Russian literature of the second half of the XXth century, prose, theme of the GULAG camp, A. Solzhenitsyn, V. Shalamov.*

Olga V. Bogdanova – Ph. D. of Philology, professor, chief scientific worker. Institute of philological researches. St. Petersburg State University. Phone: 8 (921) 962-39-23; email: olgabogdanova03@mail.ru